

ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ АДАПТАЦИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Каримова Нилуфар

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу процессов интеграции иноязычных лексем в деривационную систему принимающего языка. Исследуется динамика трансформации заимствованной единицы от момента ее фиксации до обретения полной словообразовательной активности. Уделяет особое внимание морфологической и семантической переработке заимствований, рассматривая их не как пассивные элементы, а как активные стимулы для развития новых словообразовательных моделей. В работе анализируется влияние социолингвистических факторов на темпы адаптации и предлагается типология деривационных стратегий, применяемых к неологизмам.

Ключевые слова: лингвистическая адаптация, заимствование, словообразовательная система, морфологическая интеграция, деривационный потенциал, языковая динамика, семантическая деривация.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the processes of integration of foreign language lexemes into the derivational system of the receiving language. The dynamics of transformation of a borrowed unit from the moment of its fixation to the acquisition of full word-educational activity is investigated. The author pays special attention to the morphological and semantic

processing of borrowings, considering them not as passive elements, but as active stimuli for the development of new word-forming models. The paper analyzes the influence of sociolinguistic factors on the rate of adaptation and proposes a typology of derivational strategies applied to neologisms.

Keywords: linguistic adaptation, borrowing, word-formation system, morphological integration, derivational potential, language dynamics, semantic derivation.

Процесс заимствования представляет собой не просто механический перенос лексической единицы из одного языкового пространства в другое, но сложный акт лингвистического «перерождения». Когда новое слово пересекает границу родного языка, оно неизбежно сталкивается с жестким сопротивлением уже сложившейся системы, которая стремится либо отторгнуть чужеродный элемент, либо полностью подчинить его своим грамматическим и фонетическим законам. В этом контексте словообразовательная адаптация выступает финальной стадией интеграции, сигнализирующей о том, что слово перестало быть «гостем» и стало полноправным строительным материалом для национального языка.

Если обратиться к классическим трудам, например, к идеям, развиваемым в работах Л. П. Крысина, становится очевидным, что заимствование проходит через фильтр социальной обусловленности. Исследователь подчеркивает, что иноязычный термин часто заполняет лакуны, для которых в принимающем языке еще не сформировалось краткое и точное обозначение. Избыточное заимствование может приводить к «интеллектуальному засорению», когда за внешним лоском иностранного слова скрывается смысловая пустота или дублирование уже существующих понятий¹. Это порождает конфликт между языковой экономией и сохранением

¹ Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М., 2004. — С. 45–62.

культурной идентичности. В художественном переосмыслении этот процесс можно сравнить с миграцией растения в иную почву: чтобы выжить, оно должно изменить структуру корней, подстроиться под состав земли и ритм смены сезонов. Так и заимствованное слово начинает обростать суффиксами и приставками, свойственными принимающей системе. Например, глагол, пришедший из английского языка, не может существовать в русском в своем первоначальном виде — он обязан обрести инфинитивное окончание, категорию вида и набор флексий. Здесь проявляется удивительная «жадность» языка-реципиента, который стремится максимально быстро вовлечь новичка в оборот.

Словообразовательная активность заимствования является лучшим индикатором его освоения. Если слово способно породить производные (например, от «хайп» к «хайповать», «хайповый», «захайпиться»), это означает, что его семантическое ядро успешно синхронизировалось с коллективным языковым сознанием. При этом важно отметить явление, которое в лингвистике называют «морфемным швом». В начальный период заимствование воспринимается как монолитный блок, но со временем носители языка начинают выделять в нем значимые части, подчас ошибочно интерпретируя иностранные морфемы как родные. Это приводит к возникновению гибридных образований, где иноязычный корень вступает в тесную связь с исконными аффиксами.

Особый интерес представляет позиция Е. В. Какориной, которая указывает на то, что современная медиасреда радикально ускоряет эти процессы. Если раньше адаптация занимала десятилетия, то сегодня слово может пройти путь от «экзотизма» до «базовой лексики» за несколько месяцев. Это создает условия для агрессивного словообразования, когда заимствование начинает вытеснять исконные синонимы не за счет точности, а

за счет своей деривационной гибкости и моды². На первом этапе мы видим столкновение двух логик: логики языка-источника, сохраняющего этимологическую память, и логики принимающей системы, требующей унификации. Результатом этого столкновения становится уникальный продукт — слово, которое звучит почти как иностранное, но функционирует по законам родной речи, становясь фундаментом для бесконечного ряда новых смыслов.

Процесс интеграции заимствованной лексики неизбежно переходит в фазу активного словопроизводства, когда иноязычный корень перестает восприниматься как изолированная семантическая единица. В этот момент вступает в силу закон деривационной аттракции: заимствование начинает притягивать к себе аффиксы принимающего языка, создавая целые словообразовательные гнезда. Если представить язык как живой организм, то этот этап напоминает встраивание инородного белка в структуру клетки, где он начинает выполнять специфические функции, становясь неотъемлемой частью метаболизма системы. Рассматривая идеи С. И. Карцевского о «асимметричном дуализме лингвистического знака», можно провести параллель с тем, как заимствование пытается усидеть на двух стульях: сохраняя внешнюю форму оригинала, оно вынуждено бесконечно расширять свое смысловое поле, чтобы соответствовать запросам новой культурной среды. «Словообразовательная приспособляемость» является высшей формой адаптации. Если слово не способно породить хотя бы одно производное, оно обречено остаться на периферии языка в статусе варваризма или экзотизма. Особое внимание стоит уделить явлению гибридизации. Это процесс, в котором иноязычная основа соединяется с исконными суффиксами или

² Какорина Е. В. Иноязычное слово в контексте современной культуры // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 2. — С. 78.

префиксами³. Например, когда к английскому корню добавляется русский глагольный суффикс и окончание, происходит окончательное «приземление» понятия на национальную почву. Это не просто грамматическая формальность; это акт присвоения чужого опыта. В художественном смысле это похоже на то, как зодчий вплетает колонны из привозного мрамора в фасад здания, построенного из местного кирпича — здание обретает новый облик, но фундамент остается прежним.

Однако не все исследователи настроены оптимистично. Ряд лингвистов, придерживающихся пуристических взглядов, высказывают опасения, что агрессивное словообразование на базе заимствований ведет к эрозии морфологической прозрачности языка. Они подчеркивают, что когда «креатив» порождает «креативить» и «креативность», вытесняя «творчество», происходит не обогащение, а подмена понятий, где глубокое внутреннее содержание заменяется внешней функциональностью. Это мнение заслуживает внимания, так как чрезмерная легкость адаптации может привести к потере этимологических связей внутри лексической системы.

Современная цифровая коммуникация создала уникальный полигон для подобных трансформаций. Здесь мы видим появление так называемых «кентавров» — слов, где латиница и кириллица смешиваются в рамках одной лексемы. Хотя такие формы часто носят временный, игровой характер, они демонстрируют предельную пластичность словообразовательной системы, готовность языка идти на радикальные эксперименты ради скорости и точности передачи информации. Заимствование и его адаптация — это не признак слабости языка, а свидетельство его жизнеспособности и открытости миру. Словообразовательная система выступает в роли мощного фильтра и одновременно лаборатории. Она не просто принимает «чужое», она

³ Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977. — С. 190–194.

переплавляет его, наделяя новыми грамматическими категориями и стилистическими оттенками. Изучение этих процессов позволяет нам заглянуть в будущее языка, увидеть, какие концепты станут доминирующими в сознании следующих поколений. Заимствование, прошедшее полный путь адаптации от фонетического освоения до деривационного взрыва, перестает быть чужим — оно становится частью национальной истории, зафиксированной в морфемах.

Список использованной литературы:

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
3. Какорина Е. В. Иноязычное слово в контексте современной культуры // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 2.
4. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977.